

«ЗДОРОВАЯ, БЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ – ОПОРА ГОСУДАРСТВА»? ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Н.И. Ловцова

В статье анализируются документы, регулирующие семейную политику на федеральном и региональном уровнях, определяющие идеологическую и практическую направленность семейной политики. Кроме того, рассматривается публичная дискуссия по поводу приоритетов семейной политики и характера отношений между семьей и государством, взгляды специалистов органов социальной защиты на сферу семейных отношений.

Ключевые слова: концепция семейной политики, государственная идеология семьи, нормативные документы, социальные нормы в сфере семьи, федеральный и региональный уровни семейной политики, модели семьи, депопуляция.

В России понятие национальной семейной политики было введено в 1991 году с разработкой концепции семейной политики Комитетом по делам семьи, семейной и демографической политике при Совете Министров РСФСР. В связи с подготовкой к проведению международного года семьи в 1993 году был разработан следующий вариант концепции, отражающий «идеологию общечеловеческих ценностей, приоритета интересов семьи и личности, партнерских отношений семьи и государства, его институтов, которые не подменяют семью, а разделяют с ней ответственность за создание условий ее функционирования» [Холостова, 2000]. Государственный статус эти документы получили в 1996 году в указе Президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики» [Указ Президента РФ... 1996], в котором семейная политика сформирована как самостоятельное направление социальной политики. Быстрые социальные изменения, роль СМИ в повышении степени прозрачности общественных процессов, активизация общественных, в том числе женских движений в России, заставили политиков в середине 1990-х годов обратить пристальное внимание на семью.

Положение о необходимости защиты семьи со стороны общества и государства относится к числу общепринятых норм международного права. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, подчеркивает, что

«семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (п. 3, ст. 16). В отечественном законодательстве в качестве конституционного принципа это положение было зафиксировано в Конституции СССР 1977 года (ст. 53). Ныне действующая Конституция России также закрепляет этот принцип, причем дважды: в главе 1 «Основы конституционного строя» подчеркивается, что в Российской Федерации «обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан» (п. 2, ст. 7) и в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина», где право отцов на защиту государства однозначно не зафиксировано: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства» (п. 1, ст. 38), однако фиксируется *родительская* обязанность заботиться о детях: «Заботиться о детях, их воспитании – равное право и обязанность обоих родителей» (п. 2, ст. 38). Семейный кодекс РФ в качестве одного из основных принципов семейного законодательства воспроизводит конституционное положение о том, что «семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства» (ч. 1, п. 1, ст. 1). Следующее важное положение относительно защиты семьи содержится в п. 1, ст. 72 Конституции РФ. Она касается распределения компетенции в этих вопросах между Российской Федерацией в целом и ее субъектами. Однако действующее российское законодательство не раскрывает понятия «защита семьи» и не предлагает механизмов реализации этих норм конституционного права.

Возникает закономерный вопрос о том, какой юридический смысл вкладывать в содержание используемого в Конституции термина? Восполнить пробел в трактовке термина, его содержании, а также определить механизмы реализации конституционных норм позволяют различные нормативные и программные документы, например, Концепция семейной политики РФ, Концепция демографического развития РФ, Национальный план действий в отношении детей, а также региональные программные документы, регулирующие семейную политику и поддержку семьи в регионах. Так, согласно конституционному принципу о распределении ответственности за защиту «семьи, материнства, отцовства и детства» в 2001 году в Саратовской области была принята областная концепция семейной политики, разработан план мероприятий по реализации данной концепции, в 2002 году была также принята концепция развития системы адресной социальной помощи населению Саратовской области, а также концепция демографического развития.

Дать четкое определение семейной политике – довольно сложная задача. Практически все страны считают семейную политику не самостоятельной отраслью, а скорее совокупностью политик, ориентированных на семью [Kamerman, Kahn, 1989. P. 582]. Более того, в отличие от других сфер социальной политики – таких, как образование, здравоохранение – семейная политика не имеет четких границ. Поскольку семья – центральный институт в жизни человека, то в широком смысле все, что делает правительство, оказывая влияние на семью, потенциально может относиться к сфере семейной политики. Например, транспортная, жилищная или налоговая политики непосредственным образом влияют на жизнь семьи. Однако нас в большей мере интересуют действия правительства, специально разработанные для влияния на жизнь семьи.

Гендерный анализ семейной политики и гендерная экспертиза документов, регулирующих отношения семьи и государства, важны, поскольку сфера семейных отношений во многом отражает сложившийся в обществе гендерный порядок; за семьей признается право первого и важнейшего агента социализации, транслирующего социальные нормы и ожидания. Именно это сфера воплощает столкновения частного и публичного.

Сразу же отметим, что современные представления о системе социальной поддержки опираются на такое понятие семьи, при котором мужчина является основным добыт-

чиком, а домашняя работа возложена на женщин. Ответственность мужчины перед семьей наилучшим образом воплощается в его успешном поведении на рынке труда, способности зарабатывать деньги, чтобы содержать жену и детей; ценность женщины измеряется ее приверженностью роли жены и матери. О. Хазова [Хазова, 2002. С. 44] указывает на существование в современной России тенденции к возрождению традиционной семьи с четким распределением ролей («патриархатный ренессанс»). Таким образом, одинокая женщина с детьми, оказавшаяся в таком положении либо из-за личного выбора или стечения обстоятельств, либо по причине развода, не имеющая заработка, а иногда и образования и потому материально зависимая от государственной поддержки, оказывается в крайне тяжелой, а иногда и безвыходной ситуации и часто подвергается осуждению [Хазова, 2002. С. 42]. Ей нужно время, чтобы найти работу, возможно, переквалифицироваться, приобрести новую специальность, завершить прерванное обучение или получить какое-либо образование. Одинокие матери, разведенные женщины, многодетные матери иногда стигматизируются как аморальные, ленивые, безответственные, их часто упрекают в существующих проблемах и считают недостойными быть родителями. В официальной и неофициальной риторике название таким семьям – неблагополучные. Неблагополучие – это бедность, распущенность, невежество, потенциальная криминаленность. В интервью с сотрудницей одной из социальных служб г. Саратова, комментирующей разделы плана мероприятий по реализации Концепции семейной политики Саратовской области, прозвучала идея: *«А то ты не понимаешь, что куда тебе еще рожать! У нее уже четверо жрать просят, а она опять с пузом! А потом придет сюда и потребует материальной помощи. А чего ей помогать – эти четверо в интернате, работать она не хочет! Сама нищая и такую же нищету плодит. А мужа-то у нее нету! Какие им еще мероприятия придумывать – им деньги давай, вот и все! Вот не давали бы ей денег, быстро бы работать пошла, из нищеты вышла бы!»*. Отметим, что в упомянутом документе не запланировано ни одного мероприятия, направленного на поддержку многодетных семей, а для поддержки одиноких родителей предлагается «создать клубы самопомощи по семейным проблемам (школа молодых родителей, клубы молодой семьи, одиноких матерей, одиноких отцов, родителей инвалидов).

Факт, что такой подход транслирует работник социальной службы, а в плане мероприятий по реализации семейной политики для поддержки семей одиноких родителей предлагается лишь самопомощь, может свидетельствовать о скрытой дискриминации таких семей. Безусловно, меры финансовой поддержки многодетных семей и одиноких родителей при существующем в России размере пособия на ребенка без дополнительно созданных программ будут удерживать женщин и детей в состоянии бедности. Статистические данные свидетельствуют, что дети, живущие в семье с одним родителем, подвержены большему риску бедности, а среди семей с тремя и более детьми бедность составляет более 70 %. Такие семьи с большей вероятностью воспроизводят бедность и дольше остаются в этом состоянии [Симчера, 2001]. У нас нет оснований сомневаться в точности статистических данных, однако ошибочная интерпретация этих данных может привести к негативным последствиям. Корреляция между двумя показателями не означает наличия между ними причинно-следственных связей.

Несомненно, что семьи с одним родителем имеют больший риск бедности, но в современных дебатах по поводу проблем семьи чаще используется практика «обвинения жертвы». И хотя воздействие внешних социальных сил, которые фиксируют семьи в рискованной ситуации, полностью не игнорируется, альтернативные гипотезы экономических и социальных потрясений, переживаемых этими семьями, не получили должного внимания ни в нормативных документах, регулирующих семейную политику, ни в государственных и региональных докладах о положении семьи и детей. Речь идет о таких

объяснениях низкого социально-экономического статуса монородительских семей, как экономический кризис, снижение реальной заработной платы населения, гендерное неравенство на рынке труда, а также социальная политика, которая по сути «наказывает» неполные семьи. Следует отметить, что эксперты признают такое положение вещей. Так, Е. Куприянова, заместитель руководителя Департамента по делам семьи, женщин, детей и молодежи Министерства труда и социального развития РФ, отмечает, что «такой семье труднее реализовать свои права, но и труднее от них отказаться: любая нужда превращает тебя в заложника. Есть люди, желающие иметь много детей, есть такие, кто хочет одного, а бывает, что кому-то детей не нужно. Отчего не создать условия, при которых любой тип семьи мог бы существовать и развиваться наилучшим для себя образом?» [Нетипичная семья... 2002].

Концепция семейной политики России появилась как реакция на резкое ухудшение положения многих семей, на резкий спад рождаемости, отмечая девальвацию моральных норм, рост детской и подростковой беспризорности, безнадзорности, преступности, рост числа социальных сирот. Несмотря на признание того факта, что большинство проблем семьи «во многом обусловлены воздействием системного экономического кризиса» [Климантова, 1999. С. 22], что фиксируется и во многих официальных документах, в частности, в докладах о положении детей, дискурс кризиса переносит большую часть вины на саму семью:

«Негативные тенденции в семейных отношениях ведут к значительному росту безнадзорности, усилению наркозависимости молодежи, росту преступности на семейно-бытовой почве. Деадаптированность многих семей в тяжелых условиях существования приводит к тому, что семья уже не может выполнять все присущие ей функции» [Порунов, 2000. С. 8];

«Снижен воспитательный потенциал семьи – в детских домах сироты при живых родителях, около 2 млн беспризорных детей. Наметились устойчивая тенденция к сокращению количества детей в семье, ориентации на однодетную семью, а то и вовсе на семью без детей... На учете в органах внутренних дел состоят 125 тыс. родителей, уклоняющихся от воспитания детей или отрицательно на них влияющих. 50 тыс. детей ежегодно убегают из семьи, 70 % подростков, употребляющих наркотики, проживают в неблагополучных семьях. Распространяется насилие в семье – физическое, сексуальное, психологическое. В семьях совершается около 30 процентов умышленных убийств. Ежегодно около 2 млн детей жестоко избиваются родителями, 2 тысячи детей заканчивают жизнь самоубийством. Семья перестает выполнять свои основные функции по обеспечению рождения и воспитания детей, идет утрата нравственных ценностей в этой сфере. Значительные нарушения в функционировании семьи объективно ведут к разрушительным процессам в детской среде» [Климантова, 2000. С. 48].

Такая перспектива не объясняет связи между традиционной ролью женщины, связанной с неоплачиваемым обслуживающим трудом, и бедностью женщин и детей. К сожалению, дебаты по поводу семейной политики в современной России довольно ограничены, но даже те документы и дискуссии, которые возникают на различных уровнях принятия политических решений, фокусируются на проблемах, связанных не столько с функционированием самой семьи, распределением ролей (в том числе гендерных) в семье, сколько с постановкой внешних по отношению к семье проблем бедности, безработицы, недостаточности социальных служб. Безусловно, эти проблемы значительно влияют на жизнь семьи, однако повышение материального благосостояния населения, увеличение числа рабочих мест является скорее частью общей социальной

политики государства, нежели семейной политики. Очевидно, что упомянутые дебаты касаются не только семьи. В большей степени – это дискуссия о взаимозависимости ролей государства и семьи, а также отражение конфликта по поводу гендерных ролей, в частности роли женщины.

Современную семейную политику можно определить как гендерно-нейтральную, однако такая нейтральность делает женщину невидимой. Женская политика, на наш взгляд, должна стать центральным звеном семейной политики. Противостоя традиционалистской перспективе, феминистская позиция в отношении семьи, гендерных ролей и государства утверждает, что ключевым элементом дебатов по поводу семьи является автономия женщин, жизненные стратегии, которые они используют в повседневной жизни, и то, к чему они стремятся помимо создания семейного очага

Политику можно определить как «совокупность ценностей, используемых при осуществлении действий для достижения желаемого результата» [Moore, 1971. P. 41]. В связи с этим нас интересует, как ценности и идеология проявляют себя в дискуссии о семье или семейной политике. Отсутствие эксплицитной семейной политики и соответствующих программ отражает отсутствие общенационального подхода к российской семье и недостаточную согласованность во взглядах относительно того, какие действия и программы наиболее важны для семьи.

Подходы известных отечественных авторов в большей степени подчеркивают направленность целей семейной политики на поддержку того типа семьи, который, в частности, по мнению А.И. Антонова, «полезен» для общества, на «тот основной тип, который конституирует собственно семью, успешно выполняющую специфические функции, в том числе, например, по рождению и социализации детей» [Антонов, 1995. С. 183–184]. В политических дебатах часто воспроизводится эта идея о необходимости сохранения и поддержки традиционной нуклеарной семьи:

«Проблема, которая поднята сегодня, приобретает особую значимость. Нам предстоит оценить варианты: или семья и общество будут изменяться стихийно, или общество займется поиском эффективной политики по укреплению семьи. Разработка активной семейной политики, направленной на укрепление положения семьи в обществе и среди других социальных институтов, предполагает тщательную разработку такой проблемы, как повышение ценности семейного образа жизни, родительства, детей, укрепление социальных норм семьи и брака» [Воробьева, 2002. С. 13];

«Основу семьи составляет супружеская пара с детьми или без детей, так называемая нуклеарная семья. Все остальные семьи можно рассматривать как модификации такой семьи на разных этапах ее развития: от генезиса до прекращения существования. В том числе могут образовываться некие “осколки” нуклеарной семьи, ее части без полного ядра – супружеской пары... Вот и получается, что здоровая, благополучная, законопослушная семья – это и опора государства, и основа общественного согласия, а также политической и социальной стабильности» [Климантова, 2002. С. 12].

Представление о «здоровой, благополучной и традиционной» семье с очевидностью влечет за собой и образ традиционного распределения ролей в семье: заботливой матери и жены и кормильца-мужа. Между тем распределение обязанностей в семье – важный вопрос, поскольку гендерное неравенство в ответственности за осуществление заботы ограничивает экономическую независимость женщин и их личные права, что продолжает фиксировать низкий экономический статус женщин и воспроизводить высокий уровень бедности на протяжении жизни. Такая постановка вопроса о семье и необходимости ее поддержки демонстрирует, скорее, стремление сэкономить затраты государства,

усилить эффективность и продуктивность семьи как в домашней обстановке, так и рабочей среде, чем поддержать благополучие членов семьи. Поддержку семьи, таким образом, можно интерпретировать как средство воспроизводства ригидной модели семьи «добытчик – зависимый», «модели кормильца». Такие типы политики не поддерживают семью как таковую, а только определенный тип семьи, исключая другие виды – особенно семьи с низким доходом, монородительские семьи, гражданские браки, многодетные семьи, гомосексуальные союзы. Несмотря на то, что в обществе сегодня сосуществует несколько типов семьи, в качестве объекта поощрительной социальной политики, тем не менее, формируется виртуальный, «типичный» ее образ – «детище административного мышления государственных чиновников, зачатое от устаревших научных данных, импортированной рекламы» [Куприянова, 2000]. А политические практики, которые не принимают во внимание разнообразие семейных структур и потребностей, содействуют дальнейшему воспроизводству этнического, экономического, гендерного неравенства [Brody, 1985. P. 19–30].

Феминистский подход критикует консервативную точку зрения о кризисе семьи и угрозе ее полного исчезновения, утверждая, что семья не исчезает; она просто изменяется. Феминизм также утверждает, что семья как институт достаточно подвижна и эластична, в основном по причине вариативности, что позволяет ей приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям. Именно гибкость семьи, а не «присущий ей здоровый консерватизм, сложное переплетение обычаев и традиций досоциалистического и социалистического прошлого, общечеловеческих нравственных ценностей позволяют семье устоять в сложнейших условиях, адаптироваться к изменившейся ситуации» [Эфтимович, 2002. С. 22]. Следовательно, семейная политика должна быть направлена на удовлетворение потребностей всех семей, признавать разнообразие форм семьи и быть более гибкой в реализации. Традиционная семья не может больше оставаться центральной моделью для семейной политики, которая должна подвергнуться сомнению традиционное предназначение женщины для частного и неоплачиваемого труда в домохозяйстве. Такие ограничения женской роли служат только закреплению женщин в маргинальной «второсортной» роли на рынке труда [Holzmann, Jorgensen, 2001. P. 13–14].

Отсутствие самостоятельного направления федеральной социальной политики, ориентированной на заботу и поддержание института семьи в обществе, последовательно реализующей меры по решению широкого круга проблем семьи, что по определению Л. Хантрайз и Л.Ф. Хардинг называется эксплицитной семейной политикой [См.: Социальная политика и социальная работа, 2002. С. 181], не означает, что в России отсутствовала семейная политика в принципе. В частности, социальное обеспечение, жилищная политика, политика в сфере образования, здравоохранения оказывали влияние на жизнь семей, женщин и мужчин в течение всей истории советского государства. Социальная политика государства структурировала и структурирует финансовое, физическое и социальное благополучие семьи с помощью услуг, начинающих в сфере перинатального мониторинга и заканчивающихся предоставлением пенсий по старости и пособий по смерти [См.: Указ Президента РФ... 1996]. Отсутствие эксплицитных семейных программ также не означает, что Россия не признавала или не признает семью в качестве первостепенного социального института. И хотя внутренняя политика не всегда следовала принципу «семья – прежде всего» для удовлетворения потребностей граждан, формальные процедуры, суррогатные формы услуг считались необходимыми, когда семьи не могли справиться со своими обязанностями. Свидетельства этому получены из комментариев сотрудников Министерства труда и социального развития Саратовской области относительно различных положений плана мероприятий по реализации концепции семейной политики. Эти свидетельства отражают неуверенность основных разработчиков плана

относительно того, как решать проблемы семьи: *«Вот раньше как хорошо было! Написля муж у меня раз, второй, я пошла в местком, сказала, чтобы проработали его как следует! Ну, его вызвали на местком, внушили что и как, он потом сильно напиваться боялся. А теперь как повлиять, что делать? Вот написали план, да сами понимаем, что ничего это решить не поможет»* (сотрудница отдела министерства, 49 л.). *«У моей сестры муж из семьи намылился, разводиться задумал. А он член партии, представляете! Так ему на парткоме так вставили, что он на женщин вообще смотреть перестал! Вот это эффективное мероприятие! А то у нас “внедрение программ самообразования родителей”, да кто образовываться будет-то?»* (сотрудница отдела министерства, 52 г.).

В современных исследованиях социальной политики семья трактуется не как стабильный феномен, а как динамичный компонент общества, отражающий социальные, культурные, политические изменения. Процессы модернизации семьи, вариативности ее форм и состава диктуют, в свою очередь, необходимость переосмысления роли и функций семьи в обществе, а также создания новых механизмов государственного регулирования, контроля и участия. Позиция государства представлена в семейном законодательстве, а также рядом нормативных и правовых документов федерального и регионального уровней, регламентирующих отношения семьи и государства. Идеология таких отношений зафиксирована в концепции семейной политики Российской Федерации, которая предусматривает «партнерство семьи и государства, разделение ответственности за семью, сотрудничество с общественными объединениями, благотворительными организациями и предпринимателями» [Указ Президента РФ... 1996].

Важность дискуссии о характере взаимодействия между семьей и государством отмечается современными отечественными авторами [См.: Градскова, 2000. С. 304]. Безусловно, государство должно иметь законную власть для вмешательства, например, в отношения родителей и детей, в отношения между супругами или партнерами, в пользу чего высказываются те исследователи и общественные деятели, которые отмечают рост числа фактов насилия над ребенком, над женщиной в семье [См.: Кукушкин, 2000; Ловцова, 2001; Писклакова, Синельников, 2000]. Однако, провозгласив наряду с принципом партнерства семьи и государства принцип «самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития», идеология семейной политики ограничивается поддержкой определенного типа семьи, а именно нуклеарной семьи с детьми.

Принцип автономности и свободы выбора означает наличие в обществе подлинной альтернативы и возможности действительно выбирать любой тип семьи и семейного поведения. В современных условиях реализовать такой выбор довольно сложно, поскольку на принятие решения о типе и составе семьи влияет ряд факторов. С одной стороны, действует социокультурное принуждение, например господство норм малодетности, необходимость брачного статуса для женщины, одобряемый возраст для рождения детей, приоритетность роли мужчины как добытчика и кормильца семьи в ущерб роли отца. Кроме того, «девиантные» семьи характеризуются снижением уровня жизни: многодетные семьи, одинокие матери, несовершеннолетние матери – именно эти категории семей подвержены большому риску бедности. Поэтому семейная политика должна быть ориентирована на формирование условий, обеспечивающих подлинную свободу выбора для семьи, возможность реализовать любую альтернативу.

С другой стороны, принцип свободы выбора означает и то, что государство тоже может одобрять и поддерживать или игнорировать и/или наказывать тот или иной тип семьи или семейного поведения, причем очевидно, что выбор будет сделан в пользу «здоровой, активно функционирующей семьи, способной выработать и реализовать собственную жизненную стратегию, обеспечить не только свое выживание, но и развитие, создавая тем самым условия для развития общества в целом» [Докучаева, 2000. С. 15]. Получается, что

«прежде всего, необходимы законы о государственной семейной политике, бесплатном высшем образовании, привлечении к ответственности родителей, бросивших своих детей» [Панова, 2000], то есть в пользу семей, которые наилучшим образом удовлетворяют заинтересованность государства в обеспечении количественных или качественных характеристик воспроизводства населения и успешной социализации подрастающих поколений. «В условиях постоянного нарастания кризисных явлений не только резко обостряется социально-демографическая ситуация в стране, но идет фактическое разрушение института семьи. Семья перестает выполнять свои основные функции по обеспечению рождения и воспитания детей, идет утрата нравственных ценностей в этой сфере» [Климантова, 1999].

Следовательно, принципы автономности семьи, самообеспечения, саморазвития и свободы выбора в некоторой степени противоречат принципу «партнерства семьи и государства, разделения ответственности за семью», который представляет собой вид социального контракта, регламентирующего взаимоотношения семьи и государства, формулирующего взаимные права и обязанности сторон по отношению друг к другу. Общество объективно заинтересовано в том, чтобы семья эффективно выполняла свои специфические социальные функции, при этом:

«Критерием эффективности социальной семейной политики рассматриваются условия жизнедеятельности здоровой, благополучной, трудоспособной семьи с детьми, которая определяется как социальная норма, опора общества и государства. По нашему мнению, выход России из демографического кризиса, в первую очередь, могут обеспечить среднететные и многодетные семьи, которые должны иметь возможности к реализации своих семейных устремлений» [Обращение участников... 2001].

Однако ни в докладах участников Второго российского конгресса «Мир семье», ни в других документах, регулирующих реализацию семейной политики в России, не указывается, каким образом и из каких источников поддерживать семейные устремления, связанные с многодетностью.

Социальные и экономические трансформации, новые взгляды на природу отношений между мужчинами и женщинами, пересмотр роли женщины в обществе изменили и представления людей о жизненных сценариях, в которых семейная жизнь и семейные обязанности играют все меньшую роль [См.: Brody, 1985. P. 19–30; Nantrais, 2002. P. 141–150; Градскова, 2000; Кукушкин, 2000; Молевич, 2002. С.38–42]. Во многих европейских странах в настоящее время традиционная нуклеарная семья сосуществует со многими другими формами [Rapport, 1989]. Мужчины и женщины все еще мотивированы устанавливать партнерские отношения и иметь детей, но предпосылки для поддержания отношений изменяются. Люди хотят иметь детей, не потому что они женаты, а по другим, более сложным причинам. Многие люди становятся родителями, не будучи супругами. Родительство, партнерство и семья все больше отделяются друг от друга, образуя самостоятельные отдельные институты [Dencic, 1989]. Стремление общества и индивида к этим идеалам отражено в докладе группы экспертов ООН: «Во многих странах, как развитых, так и развивающихся, характер поведения отдельного человека все больше изменяется в сторону чрезмерного индивидуализма, наблюдается тенденция к отказу от каких-либо обязанностей по отношению к другим членам общества» [Доклад... 1993].

В официальной политике в связи с индивидуализацией человека и увеличением разрыва между государством и индивидом «все более важное место отводится роли семьи как источнику основных услуг и дополнительной базы ресурсов» [Семья: XXI век, 2000. С. 33]. Несмотря на то, что деятельность по предоставлению «основных услуг» в семье делегируется семье в целом, а среди ключевых принципов государственной семейной политики

закрепляется «равноправие между мужчинами и женщинами в достижении более справедливого распределения семейных обязанностей, а также в возможностях самореализации в трудовой сфере и в общественной деятельности» [Указ Президента РФ... 1996], повседневные практики показывают, что оказанием неоплачиваемых видов деятельности по оказанию заботы в семье заняты в основном женщины. Это основа традиционной женской гендерной роли. Женщины преобладают в низкооплачиваемом вторичном (социальном) секторе и сфере услуг. Как указывает Л. Хантрайз, женщины зависимы, потому что они осуществляют заботу о зависимых [Hantrais, 2002. P. 141–150]. Следовательно, семейная политика должна фокусироваться на структурных причинах угнетения женщин в семье и на рабочем месте. Акцент на структурных факторах позволяет увидеть и то, как в обществе организована работа по оказанию заботы, каков ее статус, каким образом различные социальные практики увековечивают различия и неравенство.

Как отмечает Абель, все виды деятельности, включая те, которые мы рассматриваем как политические, подразумевают заботу, и, наоборот, все виды активности по оказанию заботы, будь то интимные или личные, имеют политический аспект власти и конфликта, что ставит практические и реалистичные вопросы о справедливости и равенстве [Abel, 1990. P. 65–91]. Частная жизнь не изолирована от социальной политики, практик социальных служб и организационной политики; личная жизнь, в свою очередь, влияет на социальную политику. Гендерно-чувствительная семейная политика должна признавать взаимодействие между личным и политическим, между приватной домашней сферой и публичной сферой рынка, между неформальным и формальным секторами заботы, и ее целью должно стать разрушение искусственной дихотомии между ними посредством их интеграции.

Вместе с тем само преобладание в политической риторике государства прагматического и функционального подходов к ценности семьи не только сдерживает процесс формирования доверия к мерам социальной политики. Приоритетным направлением семейной политики как на государственном, так и на региональном уровне является обеспечение социальных гарантий и улучшение благосостояния семей с детьми, поскольку именно семья предоставляет наиболее комфортные условия для рождения и воспитания детей. Ей также приписывается роль связующего звена между удовлетворением индивидуальных потребностей членов семьи и обеспечением функционирования семьи в интересах общества [Указ Президента РФ... 1996].

Р. В. Банникова и Л. А. Катъшева указывают, что в России принципы государственной семейной политики трактуют статус семьи как одного из основных объектов социальных гарантий и льгот, государственной поддержки, сориентированной на выполнение ее функций по воспитанию детей и обеспечению условий для их полноценного физического и духовного функционирования [Банникова, Катъшева, 1995. С. 121]. Основные направления семейной политики, в которых реализуются указанные принципы, связаны с тремя крупными группами функций семьи. Это, во-первых, экономические, во-вторых, демографические, в-третьих, воспитательные и психологические функции. «В связи с этим долгосрочные цели семейной политики должны быть ориентированы на преодоление современного кризиса семьи, обеспечение гарантированного выполнения семьей ее социальных функций по рождению, содержанию и социализации детей, подрастающих поколений» [Фонд «Мир Семьи»]. Как видим, значительный акцент в дебатах по поводу кризиса семьи и мер семейной политики сделан на сохранение традиционной структуры полной семьи, при этом неполная семья относится к категории семей риска как неспособная исполнять предписанные функции.

На наш взгляд, семейная структура с одним родителем сама по себе не является проблемой. Связь бедности и семьи с одним родителем скорее отражает, что: 1) семьи с двумя работающими родителями имеют больше шансов преодолеть уровень бедности;

2) многие женщины не способны заработать адекватный доход для семьи из-за профессиональной сегрегации и воспроизводства социального неравенства по признаку пола; 3) во многих случаях отцы не желают принимать на себя экономическую ответственность за своих детей. Разнообразие форм семьи не означает, что основные функции семьи менее важны, чем поколение назад. Основные функции семьи остаются теми же: экономическая безопасность, вскармливание, аффилиация и эмоциональная поддержка, социализация и образование, воспроизводство. Кстати, среди разработчиков концепции семейной политики России есть авторы, которые выходят за рамки фиксированных прагматических ценностей семьи для государства:

«Значение семьи в общественной жизни определяется такими ее основными социальными функциями, как регулирование отношений между полами и поколениями, рождение и социализация детей, передача материальных и духовных ценностей от поколения к поколению, внутрисемейное перераспределение доходов, формирование потребностей и совместное потребление материальных и культурных благ, организация и ведение домашнего хозяйства, личного подсобного хозяйства и семейного производства, восстановление сил и здоровья, уход за малолетними детьми, больными и престарелыми. Семья выполняет функции эмоционального и духовного общения, взаимной поддержки и сотрудничества, удовлетворения сексуальных потребностей и другие. Государственная семейная политика регулирует отношения между семьей, как особой социальной группой общества и государства, а также между индивидами внутри семьи по поводу реализации функций семьи» [Климантова, 2002. С. 12].

Озабоченность государства по поводу семейной структуры связана не только с проблемой увеличения неполных семей и их экономической нестабильностью. Поддержка идеи традиционной семьи связана с необходимостью усиления такой функции семьи, как воспроизводство. Репродуктивные установки семей и меры, направленные на улучшение репродуктивного здоровья, а также меры демографической политики выступают еще одной гендерно-чувствительной сферой. Вместе с тем репродуктивные права и репродуктивное поведение — это область, которая таит в себе немало подводных камней и нуждается в особо тщательной разработке.

Мы считаем, что вопрос о том, должна ли семейная политика быть направлена на усиление традиционной нуклеарной семьи является спорным. Бейн и Ярговски утверждают, что хотя поддержка семьи и меры государственной социальной политики могут влиять на качество жизни, практика показывает, что такие виды политики не вносят изменений в семейную структуру. Осуществляя анализ пронаталистских политик европейских стран, они показали, что уровень рождаемости продолжает снижаться и даже последовательные политики не имеют значительного эффекта. «Такое положение дел вовсе не означает, что политика для семьи не важна и не нужна. Улучшение благополучия семьи и общего окружения семьи важно всегда» [Vane, Jargowsky, 1998. P. 245]. Однако резкое снижение уровня рождаемости и сокращение населения в современной России заставляют политиков и исследователей фокусироваться на решении демографических проблем: «Задачи семейной политики направлены на укрепление института семьи и повышение ее статуса в обществе, более полную реализацию репродуктивных намерений, улучшение физического, психического, нравственного и социального здоровья населения, профилактику детской безнадзорности, а также обеспечение самореализации семьи и адресность социальной поддержки семьи» [Воробьева, 2002].

Концепция семейной политики Российской Федерации, Концепция демографической политики, региональные концепции семейной политики, доклады о положении детей в России и регионах во главу угла ставят проблему снижения рождаемости. Кон-

цепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, например, в качестве первой причины депопуляции указывает снижение рождаемости, затем следует проблема высокого уровня разводов, третье место занимает смертность, на четвертом – миграция. Среди задач, которые необходимо решать в сфере демографического развития, присутствует задача стимулирования рождаемости и укрепления семьи, а первая мера, которую надо предпринять в данном направлении, заключается в создании предпосылок для повышения рождаемости. Приоритетными направлениями на пути стимулирования рождаемости, согласно данной, Концепции являются:

- «– формирование системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более (здесь и далее: курсив мой – Н.Л.);
- повышение материального благосостояния, уровня и качества жизни семьи;
- создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания нескольких детей, включая условия для самореализации молодежи, в том числе получение общего и профессионального образования, работа с достойной заработной платой, а также возможность обеспечить семью соответствующими жилищными условиями;
- обеспечение работникам, имеющим детей, условий, благоприятствующих сочетанию трудовой деятельности и выполнению семейных обязанностей;
- повышение воспитательного потенциала семьи;
- разработка и реализация стратегии развития доступных форм семейного обустройства детей-сирот, в том числе детей-инвалидов.

Обеспечение условий для улучшения материального положения семей предполагает разработку и принятие мер по дальнейшей стабилизации ситуации на рынке труда, повышение уровня заработной платы.

В целях обеспечения благоприятных условий для укрепления семьи необходимо дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего трудовые отношения, а также совершенствование системы выплаты пособий гражданам, имеющим детей, в том числе повышение размеров пособий и обеспечение их адресности. При этом размеры пособий, а также налоговые вычеты должны дифференцироваться с учетом материальных условий семьи и ее социального положения.

Поддержка молодых семей в регионах предполагает улучшение их жилищных условий в случае рождения ребенка, выделение безвозмездных субсидий и использование механизма льготного кредитования в зависимости от числа детей в семье» [Концепция... 2000. С. 170].

Приведенный документ не предлагает механизмов реализации данной меры и не указывает, должно ли стимулирование рождаемости осуществляться законодательным путем или же население необходимо уговаривать реализовать свои репродуктивные намерения. Кстати, политики в своих выступлениях редко ссылаются на исследования и практически никогда не оперируют достоверными данными, отражающими репродуктивные намерения граждан, однако представляют дело так, будто бы российская семья ориентирована на многодетность, и только нестабильная экономическая ситуация не позволяет семьям заводить более, чем одного ребенка. Наиболее эффективным способом решения проблемы депопуляции, как мы видим, российскими чиновниками и политиками представляется улучшение экономической ситуации семьи. На это указывает и заместитель Министра труда и социального развития Российской Федерации Г. Карелова, полагая, что для стимулирования рождаемости будет полезным «усовершенствовать систему выплаты детских пособий» [Карелова, 2002. С. 5].

Проблема малодетности оценивается в качестве острой на политическом уровне, между тем в мире нет положительного опыта государственного контроля над рождаемостью. Хорошо известно, какие пути не приводят к желательному результату: например, различного рода пособия и льготы, направленные на улучшение материального положения семей с детьми, отнюдь не решают проблемы массового распространения малодетности.

При обсуждении проблем депопуляции и в процессе создания планов по стимулированию рождаемости политики не учитывают мнения мужчин и женщин, реализующих свои репродуктивные намерения. Причем ответственность за воспроизводство здорового населения возложена на женщин, и государство предлагает свою помощь для сохранения именно их репродуктивного здоровья:

«Кардинальное улучшение охраны здоровья семьи, в том числе: а) доступная для всех семей медицинская помощь на основе сочетания бесплатной медицинской помощи и платного медицинского обслуживания; б) бесплатная медицинская помощь беременным, роженицам и детям до 18 лет; в) профилактика врожденной инвалидности, развитие медико-генетической помощи населению, совершенствование и внедрение перинатальных технологий для ранней диагностики плода, системы обязательного скринингового обследования беременных и новорожденных...; е) развитие системы охраны репродуктивного здоровья семьи. Укрепление службы планирования семьи. Высококачественное санитарное просвещение, особенно подростков, по вопросам полового воспитания, безопасного материнства, профилактики заболеваний, передающихся половым путем» [Указ Президента РФ... 1996].

Необходимость заботы о репродуктивном здоровье женщин отражена и в рекомендациях круглого стола «Семья XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики»: «Наиболее важные направления семейной политики: планирование семьи, охрана репродуктивного здоровья женщин, забота о здоровье и образовании детей и молодежи, детская безнадзорность, проблемы молодой семьи, повышение уровня благосостояния семьи, решение жилищных вопросов» [Семья: XXI век, 2002]. В подобных высказываниях проявляется прагматическое отношение государства к женщине, женскому телу, которое является инструментом решения важной государственной задачи повышения рождаемости, причем мужчина исключен как из числа ответственных действующих лиц на репродуктивной сцене, так и из объектов государственной заботы. Крайний пример превалирования государственных и политических ценностей над личными мы находим в материалах круглого стола «Семья XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики», когда выступающий ссылается на результаты экспертного опроса (экспертами выступили руководители социальных служб и администраторы социальной сферы Свердловской области) по вопросам развития системы социального обслуживания. К числу наиболее перспективных мер были отнесены следующие:

«Обеспечение условий для повышения благосостояния самими гражданами; повышение уровня репродуктивной культуры населения; введение адресности в оказание услуг в зависимости от среднедушевого дохода; развитие института приемной семьи для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей; развитие комплексных центров социального обслуживания семьи; укрепление нестационарных форм социального обслуживания; введение системы стерилизации семей [sic!] по социальным и медицинским показаниям в соответствии с законом; создание института приемной семьи для обслуживания престарелых; дальнейшее развитие сети домов presta-

рельных, интернатов; ограничение права на аборт по социальным показателям на поздних сроках; развитие дополнительных платных услуг» [Панова, 2002].

Некорректное использование терминов при обсуждении важных политических вопросов приводит к затруднениям при интерпретации тех или иных высказываний. Например, каким образом предлагается ввести систему стерилизации семей и кто должен быть стерилизован? Автор выступления применяет термин «семья», и, по логике, стерилизации должны быть подвергнуты оба родителя, а также их дети! Автор, по-видимому, здесь ссылается на постановление Правительства РФ № 567 от 17 мая 1996 года «Об утверждении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности», согласно которому следующие ситуации представляют угрозу для детей и, возможно, общества: 1. Наличие инвалидности I–II группы у мужа. 2. Смерть мужа во время беременности. 3. Пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы. 4. Женщина или ее муж, признанные в установленном порядке безработными. 5. Наличие решения суда о лишении или ограничении родительских прав. 6. Женщина, не состоящая в браке. 7. Расторжение брака во время беременности. 8. Беременность в результате изнасилования. 9. Отсутствие жилья, проживание в общежитии, на частной квартире. 10. Женщина, имеющая статус беженца или вынужденного переселенца. 11. Многодетность (число детей 3 и более). 12. Наличие в семье ребенка-инвалида. 13. Доход на одного члена семьи менее прожиточного минимума, установленного для данного региона.

Как представляется, данное постановление фиксирует семьи или отдельных ее членов в неблагоприятной ситуации и вместо того, чтобы поддержать семьи, разработав программы выхода из кризиса, предлагает решить проблему кардинально, отказав людям, столкнувшимся с жизненными трудностями, в праве на родительство. Таким образом, правомерен вопрос: соответствует ли реализация данного постановления и рекомендации вышеуказанного круглого стола конституционному принципу защиты семьи, материнства и детства государством? И если нет, то какие ценности лежат в основе данных рекомендаций?

Заинтересованность государства в повышении уровня рождаемости имеет, однако, свои пределы. Это видно даже на основе приведенного выше постановления, согласно которому, если в семье трое и более детей, то это является основанием для бесплатного прерывания беременности, то есть свидетельствует о том, что многодетная семья — источник риска, неблагополучия, а следовательно, может потребовать от государства дополнительных усилий по защите. И. Кузнецова, советник аппарата Комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи, член рабочей группы по подготовке законопроекта «О государственной поддержке многодетных семей» указывает, что с появлением на свет третьего ребенка семья попадает в группу риска по всем показателям:

«По охране здоровья, потребительской нагрузке на члена семьи, занятости родителей, решению жилищных проблем. То есть семья с тремя и более детьми нуждается в особенной государственной поддержке. Льготы для многодетных родителей связаны в основном с их трудоустройством, переподготовкой, повышением квалификации. Мы также считаем, что уход и воспитание детей в многодетной семье надо приравнять к общественно полезной деятельности, и определенный период ее включать в общий трудовой стаж родителей для получения пенсии по старости. Против этого возражает правительство, усматривая дискриминацию в отношении тех, кто имеет детей и работает, а мы считаем, что семья должна иметь право выбора. Что касается эффективности законодательства в отношении льгот, то это, безусловно, пассивная политика. Все последние исследования ВЦИОМа по поводу планирования семьи и установок россиян говорят о том, что их волнуют два вопроса: обеспечение работой с нормальной

заработной платой и неуверенность в завтрашнем дне. На предпоследнем месте стоит государственная социальная политика: льготы, пособия и пр.» [Фонд «Мир Семьи»].

Таким образом, заинтересованность государства в росте уровня рождаемости имеет свои пределы. Несмотря на такие демографические и социальные изменения, как разнообразие семейных структур и изменение роли женщины в обществе, изменение ее отношения к работе в доме и вне его (для многих обществ традиционная нуклеарная семья не является преобладающим типом семьи), в политической риторике настойчиво продвигается идея об оптимальной, необходимой для нормального функционирования общества структуре семьи: «Оптимальной, пользующейся всесторонней социальной поддержкой и охраной типовой моделью должна считаться среднестатистическая (два–четыре ребенка) семья с обоими родителями, состоящими в браке, справляющаяся (при определенных обстоятельствах при финансовой поддержке общества) со своими социальными функциями и обеспечивающая устойчивую благоприятную среду жизнедеятельности и развития всех своих членов» [Косова, 1997]. При некоторой государственной финансовой поддержке ожидается, как видим, что при наличии именно такого количества детей женщина (поскольку именно она продолжает нести груз повседневных семейных забот) самостоятельно справится со своими социальными функциями. Большое количество детей нежелательно, поскольку в данном случае государству придется оказывать не только финансовую поддержку, но и создавать специальные программы поддержки многодетных семей, совершенствовать жилищную политику, поэтому многодетные семьи не должны пользоваться всесторонней поддержкой.

Подобный подход к проблемам многодетной семьи прослеживается и в Плане мероприятий по реализации основных направлений концепции семейной политики Саратовской области на 2001–2005 годы: в списке мероприятий нет ни одного, направленного непосредственно на улучшение положения многодетных семей. Семейная политика Саратовской области нацелена на поддержку малообеспеченной семьи, детей, детей-инвалидов, молодой семьи, семьи с несовершеннолетними детьми, семьи беженцев и вынужденных переселенцев, студенческой семьи, семьи участников локальных военных конфликтов, приемной семьи, однако термин «многодетная семья» в данном документе отсутствует. Вместе с тем в Плане мероприятий предлагается разработать меры стимулирования демографического развития, создав программу «Охрана репродуктивного здоровья», что в результате позволит выработать межведомственные меры по обеспечению репродуктивного здоровья населения. Методологическая беспомощность при планировании конкретных действий для решения поставленных задач свидетельствует либо о нежелании (или неспособности) агентов семейной политики создавать логически продуманные программы по созданию базы для закрепления результатов *стимулирования демографического развития* или же говорят о формальности предлагаемых мер и заставляют усомниться в реалистичности такой задачи.

Феминистская же перспектива подчеркивает, что для многих обществ нуклеарная семья с предписанным государством количеством детей не должна быть основным фокусом социальной политики. В разных странах даже при фокусировании мер семейной политики на семейной структуре (а не на семейных ролях), как указывает Н. Хойман, дети только в 26–56 % случаев живут в нуклеарной семье [Нооупан, 1995. Р. 178]. Несмотря на то, что современные тенденции семейных отношений все дальше отклоняются от модели традиционной патриархатной семьи, а нуклеарная семья становится все менее распространенным феноменом, она продолжает обладать большой нормативной силой. Такие семьи рассматриваются как идеал, модель, к которой «должны стремиться добропорядочные граждане. Такой аргумент представляет собой требование, чтобы социальная политика продолжала свое традиционное шествие к семье даже тогда, когда традиционная модель становится статистически раритетом» [Hula, 1999. Р. 3].

Дж. Сканзони утверждает, что семейная политика может быть использована для стимулирования эгалитарных отношений в семье и ценности андрогинных половых ролей, когда от мужчины ожидается участие в домашней работе и родительстве. Конвенциональная же семейная модель освобождает мужчину от основной ответственности перед домохозяйством и детьми. Эта модель отражена отчасти в пособии по уходу за детьми, которое предназначается женщине, а также в сложности получения алиментов от мужчин, чувствующих минимальные вовлеченность и влияние на детей, которых они породили [Scanzoni, 1999. P. 21].

Если семейная политика действительно нацелена на поддержку женщин, она не может основываться на патриархатной системе, которая зачастую лежит в основе многих современных социальных программ, ведь патриархат является системой сексуальных иерархических отношений, поддерживаемых законом, культурой, социальными нормами, где воспроизводятся маскулинное доминирование. Отношения власти и доминирования в семье выступают центральным звеном в такого рода дискуссиях. Симона де Бовуар концептуализировала женщину как «Другого» для описания второсортного статуса женщин в патриархатном обществе, в котором мужчина «Субъект» или «Абсолют». Она отмечала, что в экономической сфере низкое положение женщины приводит к тому, что мужчины получают лучшую работу, более высокое жалование и имеют больше возможностей достижения успеха, чем их соперницы-женщины [Бовуар, 2000]. Д. Миллер использует понятие «патриархатной необходимости» – то есть «потребности, распространенной среди политиков-мужчин отделять один пол от другого, а также обесценивать и контролировать женщин» – как движущую силу влияния на женщин с позиций системы социальной поддержки [Miller, 1998. P. 23].

Семейная политика не должна основываться на пронаталистских ожиданиях и патриархальном понимании семьи. В частности, Патриция Спакс считает, что наилучшей семейной политикой для всех семей могла бы быть женская политика: политика, которая не является патерналистской, патриархальной или исключительно пронаталистской, политика, которая не имеет классовых предпочтений или предубеждений и которая предоставляет женщинам реальные шансы регулировать свою жизнь [Spakes, 1993. P. 616].

Нуждается в совершенствовании социальная экспертиза проектов государственных решений, в том числе экспертиза, предусматривающая уровень социальной допустимости и безопасности для семей тех или иных намечаемых органами власти мер, что стало наиболее очевидно после дефолта 17 августа 1998 года. Активно содействовать адаптации семей могли бы средства массовой информации: систематически освещать этот процесс, показывать, как семьи справляются с новыми социально-экономическими условиями, какова позиция Федерального центра и субъектов Федерации [См.: Материалы... 1998]. На необходимость такого рода экспертизы указывают также С. Камерман и А. Кан, считая что дебаты относительно всех типов внутренней политики должны включать исследование их потенциальных влияний на благополучие семьи. Такой тип исследования, применяемый в сфере социальной политики, исследователи называют «family impact analysis» [Kamerman, Kahn, 1989. P. 582].

Создание семейной политики и разработка мер ее реализации должны опираться на тщательно продуманный концептуальный аппарат. Оперирование абстрактными терминами, например, «семейные ценности», «автономия семьи», «моральные нормы», позволяет создавать множество смыслов и значений, которые могут быть использованы для закрепления зависимой роли женщины. Отсюда и возникают предположения, что семья должна заботиться о себе самостоятельно, что в наибольшей степени возможно, если женщины будут выполнять неоплачиваемую работу в доме, однако абсолютизация таких принципов организации жизнедеятельности семьи, как автономия, самообеспечение, саморазвитие

приводят к другой крайности. К сожалению, в реальной жизни государство, резко снизив поддержку семей, не обеспечило адекватные меры для их адаптации, своевременно не осуществило (и не осуществляет) необходимые структурные преобразования. При этом семья оказалась не подготовленной к переходу к новым экономическим отношениям, выживанию в условиях кризиса. Анализ современных отношений семьи и государства позволяет сделать вывод о преобладании в структуре семейной политики идей минимализма. Основу этой позиции составляет убеждение, что вмешательство государства в дела семьи должно быть максимально ограничено. Риторика государственной политики пока что оперирует в таком семантическом пространстве, где «хорошая семья» — это традиционная семья, а те союзы людей, которые не соответствуют данной модели, являются воплощением или причиной социальной патологии.

Список литературы

- Антонов А.И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Наука, 1995.
- Банникова Р.В., Катыева Л.А. Семья на Крайнем Севере: социально-демографические аспекты формирования и развития // Семья в России. 1995. № 3—4.
- Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс, 2000.
- Воробьева В.Н. Выступление на конференции «Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики» // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 11 (167).
- Градскова Ю. Новая идеология семьи и ее особенности в России // Женщина в обществе: мифы и реалии. М.: Информация — XXI век, 2000.
- Доклад группы экспертов по социальным последствиям роста численности населения и изменения социальных условий с уделением особого внимания проблемам семьи // Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный Совет. Комиссия социального развития. Тридцать третья сессия. Вена, 8—17 февраля 1993. E/CN. 5/1993/6.
- Дочкаева Л.Н. Выступление на конференции «Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики» // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2000. № 17 (129).
- Карелова Г. Приоритеты социально-демографической политики // Социальная защита. 2002. № 1.
- Климантова Г.И. Государственная семейная политика — важнейшая политическая стратегия современной России // Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 11 (167). С. 12.
- Климантова Г.И. Материалы круглого стола: Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2000. № 17 (129).
- Климантова Г.И. Семья в условиях кризиса: проблемы адаптации // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 7 (29).
- Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, разработанная на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2.
- Косова О.Ю. О конституционном принципе защиты семьи государством // Правовед. № 3. 1997; <http://pravoved.jurfac.spb.ru>
- Кукушкин М.А. Конфликт в семье как проблема социализации индивида // Защита интересов семьи и прав несовершеннолетних. Самара, 2000
- Курьянова Е.В. Выступление в дискуссии // Нетипичная семья: проблемы и решения: Материалы научно-практической конференции. М., 2000.
- Ловцова Н.И. Положение детей и семейная политика Саратовской области: возможно ли снижение социального неравенства? // Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов: СГУ, 2001
- Материалы Международной научно-практической конференции «Семья в процессе развития». М., 1994. С. 33.
- Материалы научно-практической конференции «Семья в процессе развития», М., 1998.
- Молевич Е.Ф. Гендерные сдвиги в современных брачно-семейных отношениях: смена парадигмы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2—3. С. 38—42.
- Нетипичная семья: проблемы и решения: Материалы научно-практической конференции. М., 2002.
- Обращение участников Второго российского конгресса «Мир семьи» к участникам гражданского форума. М., 2001. 17 нояб. // Сайт Фонда «Мир семьи». <http://www.fw.ru>

- Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики».
- Панова С.Г.* Выступление на конференции «Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики» // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2000. № 17 (129).
- Писклакова М., Синельников А.* Между молчанием и криком // Насилие и социальные изменения. Теория. Практика. Исследования / Центр АННА (Ассоциация нет насилию). М., 2000. Ч. 1.
- Порунов Е.Н.* Материалы круглого стола: Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2000. № 17 (129).
- Семья: XXI век.* Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2000. № 17 (129).
- Семья: XXI век.* Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 11 (167).
- Симчера Я.В.* К оценке численности населения и масштабов человеческого потенциала в России за 100 лет // Вопросы статистики. 2001. № 12.
- Социальная политика и социальная работа* / Под. ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 181.
- Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики».
- Указ Президента РФ от 14 мая 1996 года № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики».
- Фонд «Мир Семьи». <http://www.fw.ru>
- Хазова О.А.* Семейное законодательство: результаты проведенной экспертизы // Гендерная экспертиза российского законодательства: теория и практика / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. М. 2002. № 4 (160).
- Холостова Е.И.* Социальная политика. М.: СТИ МГУС, 2000.
- Эфтимович Л.Е.* Семья как субъект социальной политики региона // Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 11 (167). С. 22.
- Abel E.K.* Family care of the frail elderly // E. K. Abel, M. K. Nelson (Eds.). Circles of care: Work and identity in women's lives. Albany: State University of New York Press, 1990. P. 65–91.
- Bane M.J., Jarowsky P.A.* The links between government policy and family structure: What matters and what doesn't // A. J. Cherlin (Ed.). The changing American family and public policy. Washington, DC: Urban Institute, 1998.
- Brody E.M.* Parent care as a normative family stress // The Gerontologist. 1985. № 25. P. 19–30.
- Dencic L.* Growing-up in the Post-Modern Age: on the Child's Situation in the Modern Family and on the Position of the Family in the Modern Welfare State // Acta Sociologica. 1989. № 2 (32).
- Hantrais L.* Central and East European States Respond to Socio-Demographic Challenges // Social Policy and Society. A Journal of the Social Policy Association. V. 1. 2002. Part 2. April. P. 141–150.
- Holzmann R., Jorgensen S.* Toward Greater Global Social Justice: A View from the World Bank // Global social policy. An International journal of public policy and social development. V. 1. 2001. April. №. 1. Sage publications.
- Hooyman N.* Feminist perspectives on family care: policies for gender justice. Thousand Oaks; London: Sage, 1995.
- Hula R.C.* Introduction: Thinking about family policy // E. A. Anderson, R.C. Hula (Eds.). The reconstruction of family policy. Wespport, CT: Greenwood, 1999.
- Kamerman S.B., Kahn A.J.* Family policy: Has the United States learned from Europe? // Policy Studies Review. 1989. № 8.
- Miller D.* Women and social welfare: A feminist analysis. N. Y.: Praeger, 1998. P. 23.
- Moore L.* Social policy and the politics of social development // International Social Development Review. Vol. 3: Unified Socio Economic Development and Planning – Some New Horizons. N. Y.: United Nations Publications, 1971.
- Rappoport R.* Ideologies about Family Forms: Towards Diversity // Changing Patterns of European Family Life. London; Routledge, 1989.
- Scanzoni J.* Designing Family: The Search for Self and Community in The Information Age. N. Y: Sage, 1999.
- Spakes P.* Family Polisy and Family Impact Analysis. N. Y.: Schenkman Books, 1993. P. 616.

Наталья Игоревна Ловцова
к.с.н., доцент кафедры социальной
антропологии и социальной работы
Саратовского государственного
технического университета,
электронная почта: natalov@san.ru
